

15-ый

Сквозь страдающую от зноя решётку КПП пробивался запах пыли, выдохшегося пива и коррупции. Менди прихлёбывал из жестяного стакана, будто в этом был какой-то ритуал. Он покосился на Зифа, тот шёл, засунув руки в карманы, как всю дорогу — с видом человека, которому давно весь этот мир понятен.

— Так в чём ваш нигилизм? — спросил Менди, сделав глоток. — Не ходите разбивать витрины или ебла, не сжигаете раёны... вообще ничего не обнуляете. Чё за нигилизм такой?

Зиф выплюнул окурок под ноги, посмотрел вдаль, где за забором мелькали силуэты погрузчиков.

— Ты не поймёшь, — бросил он коротко.

— С хуя?

Они вышли к КПП. Навстречу, словно из ниоткуда, возник Бидон — широкий, медлительный, словно северянин на транквилизаторах, но с глазами, острыми как ножи. Поздоровались коротко, без лишних слов. Пропустили их без проверок.

Тропинка вела вглубь раёна — туда, где дома были похожи на себе подобные с других раёнов, но словно они могли видеть и это они хотели каким угодно способом прекратить.

— Ладно, — вздохнул Зиф, поняв, что идти ещё долго, а тема для разговора сама собой не появится. — Вот ты как представляешь бытиё? Ну, типа: есть начало всего, и потом бесконечность?

Он говорил медленно, будто раскладывал мысли по полочкам.

— Или можно подумать так как любители апокалипсиса: мир — это канат над пропастью во ржи, натянутый между волей и представлением. Под звёздным небом, но в шаге от пиздеца. Это, конечно, атонизм. От него и мультивселенные растут. А на юге есть такие, кто вообще не верит ни во что — ни в мир, ни в бытиё, ни в тебя, ни в себя. А мы верим. Верим, что мир есть. И он один. С этим понятно?

Менди кивнул.

— Так вот, — продолжил Зиф, — и весь смысл нашего нигилизма — стереть этот мир.

— Что? — нахмурился Менди.

— Ага. — Зиф усмехнулся и чокнулся своим стаканом, как будто предлагал тост. — Мы тоже верим, что есть начало. И конец. Но для нас мир — это *перемотка*. История движется от начала до конца... а потом обратно. И снова вперёд. Бесконечно, туда-сюда. Как игла проигрывателя по пластинке.

Менди задумался, потом вдруг вскинул голову:

— Как магнитная плёнка?

— Бинго! — рассмеялся Зиф, отхлебнув пива. — Самое большое открытие, которое сделал Террита, но так и не осознал до конца — это концепция *следа*. У нас это называется *царапина*. Представь: пока происходит перемотка, остаются следы. Царапины. И мы живём на них. На тех царапинах, которые оставили сами же в предыдущих итерациях.

Менди почесал затылок.

— Реинкарнация-хуикрация. Это понятно. А нигилизм-то в чём?

Зиф замедлил шаг. Голос его стал ниже, почти шепотом:

— В том, чтобы поставить такую царапину, которая порвёт всё. Чтобы больше не было ни мира, ни истории, ни даже намёка на бытиё. Чтобы после этого ничего не осталось. Ёбаное ничего.

Менди остановился. Стоял долго, молча. Солнце скользило по его лицу, будто проверяло его на прочность. Потом он сказал просто:

— Да пиздец какой-то.

Зиф кивнул, как будто ждал именно этого.

— Звучит как тост. Обновляй стакан.